

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 6, Pp. 1453–1462, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).05

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462

Калмыки Поволжья и казахи: к истории их взаимоотношений в XVIII – начале XIX в.

Александр Шайдамович Кадырбаев¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0511-1095. E-mail: [kadyr_50\[at\]mail.ru](mailto:kadyr_50[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Кадырбаев А. Ш., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена актуальной проблеме — анализу истории взаимоотношений калмыков с казахскими жузами в XVIII – начале XIX в. на основе введения в научный оборот новых архивных материалов и разноязычных источников. Актуальность этого вопроса объясняется его ограниченной историографической традицией, так как по данной проблеме в современный период изданы только отдельные работы. Кроме того, актуальность изучения указанной темы настоятельно требует междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. *Целью* работы является комплексная характеристика развития взаимоотношений между калмыками Поволжья и казахами в XVIII – начале XIX в., что позволит пролить свет на драматические события, оказавшие столь важное влияние на исторические судьбы этих народов. *Источники.* Для достижения этой цели автор представил сведения по данной проблеме, почерпнутые из разных источников и подвергшиеся научному анализу в отечественной и зарубежной историографии. Избранные автором хронологические рамки исследования вполне отвечают поставленной задаче, поскольку позволяют проанализировать развитие калмыцко-казахских взаимоотношений и их роль в истории обоих народов в указанный период. *Результаты.* В изучаемый период взаимоотношения калмыков Поволжья и казахов были противоречивы и неоднозначны. Однако это не исключало культурных связей между ними, которые проявлялись в это время в двуязычии казахской знати, поскольку ее представители считали полезным и хорошим правилом знание калмыцкого языка, а также в заключении династических браков между калмыцкими правителями и казахскими владетелями, во взаимовлиянии в области права, о чем свидетельствуют памятники права «Жеты Жаргы» и «Ики Цаджин бичиг».

Ключевые слова: калмыки, казахи, жузы, Калмыцкое ханство, хунтайджи, Российская империя, Кенесары, Абулхаир-хан, Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено проекта при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019, <https://rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Калмыки Поволжья и казахи: к истории их взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1453–1462. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462

Volga Kalmyks and Kazakhs, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries: More on the Evolution of Their Relations

Alexander Sh. Kadyrbayev¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0003-0511-1095. E-mail: kadyr_50[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kadyrbayev A. Sh., 2023

Abstract. *Introduction.* The paper introduces some newly discovered archival material and sources in different languages to examine the shaping of Kalmyk-Kazakh relations in the eighteenth and early nineteenth centuries. The concern about the issue is explained by its limited historiography, since only a few unconnected works have tackled it to date. Furthermore, decent research efforts therein do imply the need for interdisciplinary and cross-civilizational/cross-cultural approaches. *Goals.* The work attempts a comprehensive review of how relations between the Volga Kalmyks and Kazakhs developed throughout the mentioned period, which shall shed light on the dramatic events that would prove crucial to historical destinies of the nomadic peoples. *Materials.* To facilitate this, the publication introduces some related data contained in various sources (repositories) and supplemented with historiographic analyses by both Russian and foreign scholars. The identified period seems most instrumental in analyzing the evolution of Kalmyk-Kazakh relations and the latter's impacts onto their then (and subsequent) historical agendas. *Results.* In the eighteenth and early nineteenth centuries, relations between the Volga Kalmyks and Kazakhs were somewhat controversial and ambivalent, which never excluded certain cultural ties then manifested in bilingualism of Kazakh elites that tended to make fluency in Kalmyk a useful rule of theirs, in dynastic marriages and mutual judicial influences traced in codes of laws (*Jeti-Jargy* and *Iki Tsaadzhin Bitchig*).

Keywords: Kalmyks, Kazakhs, jüzes, Kalmyk Khanate, Hong Tayiji, Russian Empire, Kenesary, Khan Abulkhair, Khan Ayuka

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'.

For citation: Kadyrbayev A. Sh. Volga Kalmyks and Kazakhs, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries: More on the Evolution of Their Relations. *Oriental Studies*. 2023; 16(6): 1453–1462. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462

1. Введение

Актуальность указанной темы объясняется необходимостью осветить взаимоотношения калмыков Поволжья с их соседями — казахами в XVIII – начале XIX в., сыгравшие важную роль в повороте исторических судеб этих народов. Их роль в укреплении Российского государства, когда калмыки столетиями были главной военной силой на южных его границах, сдерживая натиск Крымского ханства, Османской империи, а также казахских набегов, ставивших под вопрос безопасность государства,

трудно переоценить. К тому же анализ общей картины состояния взаимоотношений Калмыцкого ханства, кочевого государства калмыков Поволжья под протекторатом Российской империи, с казахами, номинальными в XVIII в. российскими подданными, необходим для комплексной характеристики истории степных пространств Центральной Азии и Поволжья в эпоху великих потрясений для кочевых обществ, прежде всего калмыков Поволжья, произошедших в 1771 г. и связанных с ликвидацией Калмыцкого ханства в составе России.

Изучение указанной проблемы имеет вековую традицию. В трудах первого казахского ученого Ч. Ч. Валиханова [Валиханов 1984–1985], академика В. В. Бартольда [Бартольд 1914], в исследованиях советских ученых Н. Н. Пальмова [Пальмов 1927], М. П. Вяткина [Вяткин 1941], Н. Г. Аполловой [Аполлова 1960], В. Я. Басина [Басин 1971], В. А. Моисеева [Моисеев 1991] и современных историков М. Абдирова [Абдиров 1993], И. В. Ерофеевой [Ерофеева 1999], Ж. Б. Кундакбаевой [Кундакбаева 2005], Т. И. Султанова [Султанов 2020], И. В. Торопицына [Торопицын 2009; Торопицын 2016], А. Ш. Кадырбаева [Кадырбаев 2016] представлены их ценные наблюдения о взаимоотношениях калмыков Поволжья с казахами.

Имеют большое значение работы по данной проблеме и современных калмыцких ученых В. И. Колесника [Колесник 2003], А. В. Цюрюмова [Цюрюмов 2021] и Е. А. Команджаева [Команджаев 2017].

Свой вклад в разработку проблемы калмыцко-казахских взаимоотношений в первой четверти XVIII в. внесли монография и статьи последних лет В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2018; Тепкеев 2021а; Тепкеев 2021б; Тепкеев, Кабульдинов 2023].

Следует обратить внимание на материалы по данной теме, опубликованные в соответствующих сборниках [Казахско-русские отношения 1961; Материалы 1935], а также архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан [ЦГА РК]. Вместе с тем является настоятельной в будущем необходимость поиска и использования дополнительных архивных источников.

2. Социально-культурные связи между калмыками и казахами в XVIII в.

Пророссийская политика ряда казахских правителей в XVIII в., прежде всего хана Младшего жуза Абулхаира, объяснялась не только опасностью со стороны Джунгарии и Персии, но и существованием Калмыцкого ханства в составе России. Это ханство, особенно в период правления Аюки-хана, было самостоятельно в своей внутренней политике и обладало свободой в установлении связей с другими государствами, что подтверждается многими свидетельствами, в том числе посольством

империи Цин, подвластными которой были Китай, Маньчжурия, Монголия, ко двору хана Аюки, а также династическим браком дочери Аюки с джунгарским хунтайджи — правителем Джунгарского ханства [Сабитов 2014: 122–126]. Тем более, что в юные годы Абулхаир, вероятно, в качестве почетного аманата-заложника, находился в свите хана Аюки, впитывая калмыцкие традиции управления кочевым обществом, выучил калмыцкий язык, одной из его жен стала калмычка Баяна. Автономный статус Калмыцкого ханства для Абулхаир-хана являлся хорошей перспективой в случае принятия казахами подданства России. Абулхаир-хан, будучи человеком своего времени и своей среды, вместе с тем понимал, что в казахском обществе необходимы кардинальные перемены. Он понимал, что для создания централизованного казахского государства необходимо подорвать влияние родовой знати — основы сепаратизма и вольницы — и создать служилый государственный аппарат, взяв государственное устройство Калмыцкого ханства как образец [Ерофеева 1999: 12–25].

Свидетельством казахско-калмыцких культурных связей можно рассматривать и знание калмыцкого языка, широко распространенного в среде казахской правящей элиты. Например, знаменитый Аблай-хан, мусульманское имя которого Абилямсур, а также его современник — хан Срединного жуза Абулмамбет, знали калмыцкий язык. В частности исследователи приводят в качестве показательного примера случай, когда представителям казахской знати пришлось «толковать» китайским послам по-калмыцки, поскольку их переводчик недостаточно владел казахским языком [Хафизова 1995: 44–45].

Интересным явлением, присущим кочевой культуре как калмыков, так и казахов, был своеобразный «кодекс чести» степного рыцарства. Так, казахское народное предание оставило свидетельство единоборства молодого Аблай-султана с сыном хунтайджи, правителя Джунгарского ханства, Чарчем, из которого Аблай вышел победителем, обезглавив противника. Это произошло в честном бою, и хунтайджи, когда впоследствии пленил Аблая, все же не рискнул его казнить, невзирая на требования своей жены — матери погибшего, проклинавшей

пленника, дабы не потерять свое лицо и в глазах своих врагов, и глазах своих подданных, и вынужден был соблюдать степной кодекс чести, как гласят казахские народные предания [Хафизова 2019: 355].

В целом казахско-калмыцкие отношения изобиловали широкими культурными связями. Это, по мнению исследователей, просматривается не только в практике дипломатической деятельности и в заключении династических союзов, но и в законодательных актах калмыков и казахов, в которых наличествуют много общих положений [Кляшторный, Султанов 1992: 315–323].

Вместе с тем обращает на себя внимание и то обстоятельство, что между «Ики Цаджин бичиг» и «Жеты-Жаргы» имелись значительные различия. В монголо-ойратских законах 1640 г. было зафиксировано всеобъемлющее господство государства над подданными, каковое наблюдалось в Джунгарском и Калмыцком ханствах. Что касается роли казахских ханов и султанов, то их власть была существенно ограничена в правоприменительной практике законодательными и судебными полномочиями биев — глав родов и племен. Помимо этого, бии являлись руководителями ополчений в своих родах, из которых формировались военные силы Казахского ханства.

На наш взгляд, эти обстоятельства обусловили относительную слабость казахской государственности по сравнению с Джунгарским и Калмыцким ханствами, которые были на порядок более централизованы и организованы, что повлияло на исход войн казахов с калмыками Поволжья.

3. Политическая ситуация в Поволжье

Несмотря на сложившиеся культурные связи между калмыками и казахами, политические отношения между ними в указанный период являлись очень сложными даже при их совместном статусе подданных России. В конце 1730-х гг. правители Младшего и Среднего жузов «совершали набеги на кочевья волжских калмыков ...» [Моисеев 1991: 110–111]. Воевал в это время с калмыками Поволжья их бывший «воспитанник» Абулхайр-хан, в результате политики которого «население (его. — А. К.) жуза получило на определенное время более или менее спокойную жизнь, а ведь незадолго до этого оно собиралось уходить с родных земель в

Турцию, Персию или на Кубань для спасения от многочисленных врагов, не видя для себя другого выхода» [Абдиров 1993: 249].

И. В. Торопицын предполагает, «что среди казахских владельцев были люди, которые уделяли в середине 1730-х годов определенное внимание западному направлению» [Торопицын 2016: 308]. Со стороны казахов предпринимались меры по предполагаемой ими откочевке на запад, в пределы владений Ногайской Орды и Крымского ханства на Северном Кавказе, которые находились в союзнических отношениях с Османской империей, что нашло отражение в переговорах казахских ханов с Крымским ханством. Таким образом складывались условия для эмиграции из Центральной Азии в западном направлении, в причерноморские и предкавказские степи [Торопицын 2016: 308], однако главным препятствием для осуществления этих замыслов являлось Калмыцкое ханство под протекторатом России.

Во второй половине 1730-х гг. казахи крупными отрядами вторгались в Нижнее Поволжье, совершали нападения на Калмыцкое ханство, чьи владения тогда включали в свой состав и территории в междуречье рек Яика (Урала) и Волги и доходили до предгорий Кавказских гор, в частности до города Кизляра. Следует предполагать, что эти нападения на владения Калмыцкого ханства со стороны Абулхайр-хана были предупредительными действиями не только против калмыков Поволжья, но и против ойратов Джунгарии. Н. Г. Аполлова пишет об этом: «Абулхайр подозревал, что торговые тайши действуют по указке хунтайд-жи Галдан-Цэрэна и что последний намерен использовать их в дальнейших походах на казахские кочевья» [Аполлова 1960: 114].

Вместе с тем было и другое обстоятельство, обусловившее внимание казахской элиты, помимо джунгарского направления, еще и к событиям на своих западных границах. И. В. Торопицын приводит мнение известного калмыковеда Н. Н. Пальмова о том, что у джунгарского правителя вынашивалась идея об обратном переселении приволжских калмыков в Джунгарию, однако этому препятствовали казахи. И. В. Торопицын по этому поводу приводит заключение Н. Н. Пальмова о том, что казахи, будучи российскими подданными,

«стремились установить самую тесную связь с кубанскими татарами, попасть к которым можно было только чрез Волгу и калмыцкую степь...» [Торопицын 2016: 309]. Естественно, что активные нападения казахов на калмыцкие улусы во второй половине 1730-х гг. в период русско-турецкой войны вынудили власти Российской империи усилить контроль на своих юго-восточных рубежах для отражения казахских набегов [Кундакбаева 2005: 206–208].

Архивные материалы, обнаруженные И. В. Торопицыным, раскрывают и дополняют подробностями предпринятые казахами действия в 1730-е гг. в Нижневолжском регионе. Во время встречи с комендантом Царицына П. Кольцовым посланец калмыцкого хана Дондука-Омбо — Джамбо-Джамсо сообщил, что его правителю известны из различных источников все сведения о казахам. Посланец также известил коменданта о том, что Абулхаир-хан направился в Оренбург, чтобы забрать своего сына, отданного в аманаты. Комендант Царицына сообщил о содержании встречи с Джамбо-Джамсо в Коллегию иностранных дел и начальнику Оренбургской комиссии В. Н. Татищеву [Торопицын 2016: 311]. Как видно из вышеизложенного, калмыцкие ханы были достаточно осведомлены о намерениях Абулхаир-хана, что свидетельствует о наличии сети их лазутчиков в Малом жузе. Это обусловило своевременное получение калмыцкими ханами и русскими властями достоверной информации о намерениях казахских владетелей.

В связи с этими сведениями о планах казахов «идти чрез Волгу на Кубань» вышестоящие инстанции Российской империи направили приказы властям пограничных со степью казахов регионов, а также Донскому, Волжскому, Яицкому казачьим войскам о необходимости проявления бдительности, чтобы не позволить киргизам (казахам) переправиться через Волгу [Торопицын 2016: 312].

Следовательно, в этот период главной задачей российских властей в Нижнем Поволжье был вопрос предотвращения перекочевки казахов через этот район на Северный Кавказ, являвшийся тогда местом военной конфронтации Российской и Османской империй, и защиты Калмыцкого ханства, чьи кочевья стояли на пути пред-

полагаемой миграции казахов. В ноябре 1737 г., переправившись через р. Яик, более тысячи вооруженных казахов атаковали пограничные восточные кочевья Калмыцкого ханства. При нападении на Яицкий городок некоторые из них попали в плен к русским казакам. Как оказалось, все они являлись людьми Абулмамбета, хана Срединного жуза, взятыми в плен русскими казаками.

В 1738 г. более 22 тысяч казахских воинов перешли Яик и Волгу и дошли до реки Кумы. Захваченные в плен в ходе боев с русскими и калмыками казахи дали показания о том, что главной целью их набегов было разорение калмыцких кочевий в отместку за их ежегодные нападения на казахов. Но эти объяснения причин вторжения казахских отрядов в кочевья Калмыцкого ханства не убедили российские власти. И в последующие годы всем, кто из России направлялся в казахские кочевья, ставили разведывательную задачу. И. В. Торопицын привел пример отправки в Средний жуз калмыка на российской службе, прапорщика Этигерова, который должен был обратить особое внимание на информацию о планах казахов уйти на Кубань [Торопицын 2016: 312].

Следует отметить роль Калмыцкого ханства и его «тайных бойцов невидимого фронта», небезуспешно интриговавших против установления связей казахов с Крымом и ногайцами Северного Кавказа, когда им в 1738 г. удалось схватить двух посланцев казахского хана в Крым, которые смогли переправиться через Волгу, но были схвачены калмыками-дербетами и привезены к хану Дондуку-Омбо, один из которых умер, а второй был выдан российским властям [Торопицын 2016: 314]. Благодаря захвату этих посланцев российским властям удалось получить доказательства того, что казахские владетели Младшего и Срединного жузов, бывшие российскими подданными, намеревались, заручившись поддержкой крымского хана и ногайцев, нанести поражение калмыкам для беспрепятственного перехода на Северный Кавказ. После завершения русско-турецкой войны российским властям удалось прекратить контакты казахских владетелей с Османской империей и Крымским ханством и, таким образом, предотвратить их замыслы против Калмыцкого ханства [Торопицын 2016: 317].

В итоге введение казахов в состав

России, получившее начало в 1730-е гг., не служило преградой для их самостоятельности во внешнеполитических мероприятиях в изучаемый период.

Вполне естественным выходом для казахов были их попытки откочевать на запад. К этому их вынуждала международная ситуация того времени в Центральной Азии, когда в борьбе Джунгарского ханства и империи Цин, опиравшейся на мощный потенциал Китая и вedomой маньчжурскими богдоханами, заново перекраивалась карта ее степных пространств, где казахи становились заложниками наступательной политики ойратов Джунгарии, которые, не располагая возможностями для победы над империей Цин, все силы направили против казахов. Это вынудило последних к движению на запад под напором ойратов Джунгарии. Не в пользу калмыцко-казахских отношений сыграло и то обстоятельство, что, как справедливо отметил И. В. Торопицын, «казахи воспринимали калмыков как соплеменников джунгар, поэтому, несмотря на принятие ими (калмыками. — А. К.) российского подданства, смотрели на калмыков враждебно» [Торопицын 2016: 317]. В связи с этим вполне закономерными являлись попытки казахских владетелей обратиться за помощью к Турции и Крыму, в борьбе против которых калмыки являлись главной военной опорой Российского государства на его южных границах.

4. Казахско-калмыцкие отношения после откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.

В 1771 г., когда хан Калмыцкого ханства Убаши с большинством калмыков откочевал на историческую родину в Центральную Азию, казахско-калмыцкие отношения были омрачены участием казахов в нападениях на калмыков, чья миграция шла через казахские степи, что стоило жизни многим из них [Тепкеев, Кабульдинов 2023]. Российская власть упразднила Калмыцкое ханство. После откочевки Убаши меньшая часть калмыков, не последовавшая за ним, уже географически не имела соприкосновения с ареалом обитания казахов, так как их кочевья сместились в сторону предгорий Северного Кавказа к западу от Волги, что отразилось и на связях между двумя народами.

Тем не менее спустя более столетия в отрядах сражавшегося с Российской империей последнего хана казахских степей Кенесары Касымов [Кенесарин 2017], внука Аблайхана, были не только казахи. Заметное место среди них занимали калмыки. По сообщению в мае 1845 г. российского офицера: «Скопище султана Кенесары Касымова состоит из собственных его теленгутов (до 1 000 кибиток), которые достались ему от хана Аблая и большей частью калмыцкого происхождения, и до 1 000 кибиток пришатнувшихся к нему бродяг и барантовщиков (барымтачей-угонщиков скота. — А. К.) из разных родов. ... Есть ... люди, бежавшие по каким-либо преступлениям; башкирцев — 4, татар — 6, русских — 5 человек. Башкирцы и татары — это ближайшие прислужники его и кочуют вместе с его аулом. Из первых 3 брата бежали лишь прошлого года и должно полагать из 9 кантона, причисленного к Уральскому (казацкому. — А. К.) войску. Один из них серебряк и обделывает вместе с беглецом из Кокана (Коканда. — А. К.) султанское оружие, другой башкирец оружейник и вьет стволы...» [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4381. Л. 969–974].

Это подтверждает в своих показаниях от 21 декабря 1844 г. урядник 4-го Оренбургского казачьего полка Андрей Иванов о положении в ставке Кенесары: «При нем находится беглый (русский. — А. К.) солдат, как сказывал сам, лет 7 уже захваченный Кенесарой, имеет двух жен и участвует в грабежах с хищниками, и лет 20 назад взятый в Сибири же в плен русский, имя которого и места прежнего жительства я не знаю. Последний содержится под присмотром и в никаких хищничествах с Кенесарой не участвовал. Он обещался освободить его из плена, если русские возвратят его пленников» [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 4381. Л. 975].

«В октябре месяце 1842 года без вести пропал проживавший во Внутренней линии в Кармановском форпосте Уральского (казачьего. — А. К.) войска казак Кичик Малкин. ... Ныне из полученного сведения сделалось известным, что казак Малкин будто бы увезен из пределов войска тремя беглыми башкирцами и находится с ними в шайке Кенесары ... Кичик Малкин прибыл к ним (к Кенесары. — А. К.)... Кенесары женил его на богатой невесте и сделал его

начальником, дав ему под команду 40 человек, с которыми имеет его при своей ставке с большим уважением ... Теперь говорят, что при Кенесаре первым есаулом (башкир. — *А. К.*) Хусни, а Кичик — вторым ... Когда Кенесара сватал за Кичика дочь одного богатого киргиза (казаха. — *А. К.*), то киргизец этот будто бы не хотел отдавать за калмыка свою дочь, но Кенесара, призвав его к себе, наказал плетью и взял его дочь за Кичика. Кичик прославился там борцом, и Кенесара-хан дал ему имя Батырмурат» [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4412. Л. 4–5об.]. Судя по имени казака Малкина и имени его брата уральского казака Аюши Моисеева, а также исходя из указаний русских источников, они были калмыцкого происхождения.

5. Заключение

Взаимоотношения калмыков Поволжья и казахов были противоречивы и неоднозначны. В течение первой половины XVIII в., вплоть до откочевки в 1771 г. хана Убаши с большинством поволжских калмыков на историческую родину в Центральную Азию, взаимоотношения их с казаками можно характеризовать как конфронтационные, хотя и те, и другие являлись уже подданными Российской империи, что во многом было обусловлено политикой российских властей, проводившей политику «разделяй и властвуй» между подданными кочевыми народами. Однако имевшиеся между калмыками и казаками противоречия отнюдь не исключали культурных связей между ними, которые проявлялись в это время в двуязычии казахской знати, поскольку ее представители считали полезным и хорошим правилом знание калмыцкого языка, а также в заключении династических браков между калмыцкими правителями и казахскими владетелями, во взаимовлиянии в области права, о чем свидетельствуют их памятники права «Жеты Жаргы» и «Ики Цаджин бичиг». Хотя интенсивность калмыцко-казахских связей к XIX в. резко спадает в связи с уходом большей части калмыков Поволжья в Центральную Азию, поскольку оставшаяся их часть в Поволжье теряет свои коче-

вые на границе с казахскими жузами из-за утраты своей государственности в составе Российской империи, когда было упразднено Калмыцкое ханство, и оставшиеся кочевья калмыков переместились на достаточное расстояние от казахских степей. Интересно отметить, что откочевка поволжских калмыков в Центральную Азию, как и попытки казахов в XVIII в. откочевать на Кубань в пределы Северного Кавказа, контролируемые Крымским ханством, имели общие причины для этого, заключавшиеся в том, что и калмыки, и казахи, являвшиеся тогда подданными Российской империи, хотя казахи были скорее ее номинальными подданными, стремились выйти из подчинения российских властей, откочевав из зоны их контроля, как это было в случае с калмыками в 1771 г. Причем казахские владетели, прибегая, как и калмыки, к традиционной форме протеста степных народов в виде откочевки от притеснявшей их власти, искали новых покровителей в лице Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империей, пытаясь прорваться на земли, ставшие тогда ареной войн двух империй — Российской и Османской. Вместе с тем, согласно свидетельствам приведенных выше данных русских архивов, к началу XIX в. калмыцко-казахские взаимоотношения претерпели определенную эволюцию, когда калмыки Поволжья, в отличие от времен XVIII в., где они выступали орудием Российской империи и воевали с казаками, в первой половине XIX столетия выступают, хотя и в немногочисленной своей части, на стороне казахов в их национально-освободительной борьбе во главе с последним ханом казахских степей Кенесары Касымовым против политики царской России. Войны кочевников позднего средневековья и раннего нового времени ушли в прошлое, но культурные контакты этих народов продолжают развиваться. Сегодня нельзя представить историю калмыков исследуемого периода вне связей с казаками, равно как не может быть истории казахов без обозначения роли в ней калмыков.

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Sources

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Литература

- Абдиров 1993 — *Абдиров М.* Хан Мухаммед-Абулхаир II // Простор. 1993. № 12. С. 243–253.
- Аполлова 1960 — *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: АН СССР, 1960. 456 с.
- Бартольд 1914 — *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1914. 174 с.
- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1971. 274 с.
- Валиханов 1984–1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. 2-е изд. доп. и перераб. Алматы: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984–1985. Т. 1: 1984. 432 с. Т. 2: 1985. 416 с. Т. 3: 1985. 416 с. Т. 4: 1985. 461 с. Т. 5: 1985. 528 с.
- Вяткин 1941 — *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. М.; Л.: Госполитиздат, 1941. 368 с.
- Ерофеева 1999 — *Ерофеева И. В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.
- Казахско-русские отношения 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов / сост.: Ф. Н. Киреев и др.; ред.: В. Ф. Шахматов, Ф. Н. Киреев, Т. Ж. Шоинбаев. Алма-Ата: АН КазССР, 1961. 743 с.
- Кадырбаев 2016 — *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*: сб. ст. / редкол.: И. В. Кульганек (пред.) и др. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 30–34.
- Кенесарин 2017 — *Кенесарин Ахмет.* История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина («Насаб-наме-йи султан Садык» — родословная султана Садыка). М.: Пресс-бук, 2017. 140 с.
- Кляшторный, Султанов 1992 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 376 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Команджаев 2017 — *Команджаев Е. А.* Защита интересов Российского государства при образовании государственности калмыцкого народа // Интересы в праве. Жидковские чтения: мат-лы Всеросс. науч. конф. / отв. ред. М. В. Немытина. М.: РУДН, 2017. С. 510–517.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков: сб. док-тов / ред. А. Н. Самойлович. М.; Л.: АН СССР, 1935. 299 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. VII).
- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Калм. обл. испол. ком., 1927. 231 с.
- Сабитов 2014 — *Сабитов Ж. М.* Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства (ежегодник). 2014. № 6. С. 122–126.
- Султанов 2020 — *Султанов Т. И.* Казахи. Судьба народа и страны в Средние века. Алматы: Дайк Пресс, 2020. 344 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 359 с.
- Тепкеев 2021a — *Тепкеев В. Т.* Калмыцко-казахское противостояние в северном Прикаспии в 1723–1724 гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 24–32. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Тепкеев 2021b — *Тепкеев В. Т.* Политическая ситуация в северном Прикаспии в 1725 г. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1146–1153. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1146-1153
- Тепкеев, Кабульдинов 2023 — *Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е.* Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Торопицын 2009 — *Торопицын И. В.* Оборона калмыцких улусов в 30–40 годах XVII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. конф., посвящ. 400-летию вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. В 2-х ч. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 242–246.
- Торопицын 2016 — *Торопицын И. В.* Несостоявшийся альянс: казахско-крымские отношения и политика России во второй чет-

- верти XVIII в. // Тюркологический сборник 2013–2014: памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). М.: Наука, Вост. лит., 2016. С. 307–319.
- Хафизова 1995 — Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX века. Алматы: Тыдым, 1995. 288 с.
- Хафизова 2019 — Хафизова К. Ш. Степные владители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Цюрюмов 2021 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династических междоусобиц. 2-е изд. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2021. 184 с.
- References**
- Abdirov M. Khan Muhammad Abulkhair II. *Prostor*. 1993. No. 12. Pp. 243–253. (In Russ.)
- Apollova N. G. Kazakhstan and Russia, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries: Economic and Political Relations. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 456 p. (In Russ.)
- Barthold V. V. More on the History of Irrigation in Turkestan. St. Petersburg: Selsky Vestnik, 1914. 174 p. (In Russ.)
- Basin V. Ya. Russia and Kazakh Khanates: Sixteenth to Eighteenth Centuries. Alma-Ata: Nauka, 1971. 274 p. (In Russ.)
- Kadyrbayev A. Sh. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaз», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period. *Mongolica*. 2016. Vol. XVII. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Kenesarin A. History of Kenesary Qasymov and Sadyk Kenesarin («The Genealogy of Sultan Sadyk»). Moscow: Press-Book, 2017. 140 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Chinese Diplomacy in Central Asia: Fourteenth to Nineteenth Centuries. Almaty: Tydim, 1995. 288 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Stepnye Rulers and Their Diplomacies, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Nur-Sultan: KazISS, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Kireev F. N. et al. (comps.) Kazakh-Russian Relations, Sixteenth–Eighteenth Centuries: Collected Documents and Materials. V. Shakhmatov, F. Kireev, T. Shoinbayev (eds.). Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 743 p. (In Russ.)
- Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. Kazakhstan: A Chronicle of the Three Millennia. Alma-Ata: Rauan, 1992. 376 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe — and Backwards, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Kalmyk nationhood building and defense of Russia's interests. In: Nemytina M. V. (ed.) Law and Interests. Zhidkov Readings. Conference proceedings. Moscow: RUDN University, 2017. Pp. 510–517. (In Russ.)
- Kundakbayeva Zh. B. «As a Sign of Grace from H. I. M. ...»: Russia and Peoples of the Northern Caspian in the Eighteenth Century. Moscow, St. Petersburg: D. Bulanin, 2005. 303 p. (In Russ.)
- Moiseev V. A. Dzungar Khanate and Kazakhs, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Alma-Ata: Gylm, 1991. 238 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Volga Kalmyks: Historical Essays. Pt. 2: Eighteenth Century. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. 231 p. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. Kazakh-Kalmyk relations in the 1700–1715 years. *Medieval Turkic-Tatar States (yearbook)*. 2014. No. 6. Pp. 122–126. (In Russ.)
- Samoylovich A. N. (ed.) Materials in Karakalpak History (Works of the Institute of Oriental Studies 7). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 299 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. Kazakhs: The People and Their Land in the Middle Ages. Almaty: Daik-Press, 2020. 344 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. The 1725 political situation in the Northern Caspian. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1146–1153. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1146-1153
- Tepkeev V. T. The Northern Caspian, 1723–1724: Kalmyk-Kazakh confrontation. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh relations during the period of migration of Kalmyks from Russia to China in 1771. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 756–768. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Toropitsyn I. V. Defense of Kalmyk uluses in the

- 1630s–1640s. In: United Kalmykia in United Russia — Through Centuries into the Future. Jubilee conference proceedings. Pt. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 242–246. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. The failed alliance: Kazakh-Crimean relations and Russia's policies, 1720s–1740s. In: Skrynnikova T. D., Sultanov T. I., Trepavlov V. V. (eds.) Turkological Collection 2013–2014: In Memoriam Sergey G. Klyashtorny (1928–2014). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2016. Pp. 307–319. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Second edition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 184 p. (In Russ.)
- Valikhanov Ch. Ch. Collected Writings. In 5 vols. Second edition, suppl. & rev. Almaty: Kazakh Sovetskaya Entsiklopediya, 1984–1985. Vol. 1, 1984, 432 p. Vol. 2, 1985, 416 p. Vol. 3, 1985, 416 p. Vol. 4, 1985, 461 p. Vol. 5, 1985, 528 p. (In Russ., Kaz., etc.)
- Vyatkin M. Kazakh SSR: Historical Essays. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Gospolitizdat, 1941. 368 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abulkhair: Warlord, Ruler, Politician. Almaty: Sanat, 1999. 334 p. (In Russ.)

